

**«Мы запутались в паутине, сотканной из трагических противоречий нашего века»
(В.В. Шульгин и крушение монархии)**

Количество мифов и легенд, связанных с жизнью и деятельностью В.В. Шульгина весьма значительно. Изучая его биографию, приходится часто сталкиваться как со случайно допущенными ошибками, так и с намеренными искажениями. Это не удивительно, поскольку Василий Витальевич, проживший 98 лет, был не просто «очевидцем», но и активным участником исторических событий.

Большое значение для написания биографии Шульгина имеют документы его следственного дела, хранящегося в Центральном архиве ФСБ России. В материалах дела содержится информация о дореволюционной деятельности Шульгина; прослеживается эволюция его взглядов. Описание архивного следственного дела № Р-48956 (в 1 т.) год производства: 1945–1947 в отношении Шульгина, впервые была опубликована А.В. Репниковым и В.С. Христофоровым¹. В 2003–2007 гг. ими же в журналах «Новая и новейшая история», «Россия XXI», «Родина», и в ряде сборников была впервые осуществлена публикация отдельных материалов из следственного дела Шульгина². Полный текст дела, снабженный вступительной статьей, комментариями, приложениями и впервые извлеченными из архивов фотографиями, подготовленный В.Г. Макаровым, А.В. Репниковым и В.С. Христофоровым, выйдет отдельной книгой в 2010 году. Цель данной статьи – кратко остановиться на некоторых вехах жизненного пути Шульгина, показав эволюцию его взглядов.

Известный своими монархическими и националистическими взглядами, Шульгин 2 марта 1917 г. вместе с А.И. Гучковым по поручению Временного комитета Государственной думы выехал в Псков, где находился император Николай II и принял у него отречение. «Некоторые не могут мне забыть, что ездил в Псков, писал Шульгин, а я не могу им простить, что они попрыгали во все дыры, когда все рушилось, а теперь могут упрекать меня за то, что я осмелился поехать к Царю и принять неизбежный акт отречения во всем уважении к Венценосцу, вместо того, чтобы вместе с ними забиться под диваны Таврического, или иных дворцов и оттуда смотреть, как Чхеидзе и Нахамкес будут “читать мораль” последнему русскому Государю», писал он впоследствии³. «Кульминационным моментом выявления своей личности, – писал Е.А. Ефимовский – было участие В.В. Шульгина в трагическом моменте отречения Императора Николая II; участие, ложно истолкованное массой сторонников и противников этого исторического акта. Я как-то спросил В.В.: как это могло случиться. Он расплакался и сказал: мы *этого* никогда не хотели; но, если это должно было случиться, монархисты должны были быть около Государя, а не оставлять его на объяснение с врагами»⁴. В недавней беседе на радиостанции «Свобода» с И. Толстым историк О. Будницкий говорил по поводу данного поступка Шульгина: «Это был реалистический взгляд на вещи. Он понимал, что если защищать монархию, то должны быть те, кто готов это делать в оружием в руках, здесь и сейчас. А в России была всеобщая эйфория. Когда сейчас всякие гопники, я по-другому не могу назвать этих людей, начинают рассказывать сказки о каких-то заговорах, в результате которых свергли монархию, что был верхушечный заговор, и вот так вот у народа украли тот строй, в который он верил, исповедовал, и что это было безобразие, кучка заговорщиков и, конечно, какие-то иностранцы? – это все полная чушь. Посмотрите, что произошло в России. Всеобщее ликование по всей стране, никто не хотел монархии. Более того, даже в Гражданскую войну, когда люди уже хлебнули прелестей большевистского режима, даже белые не выдвигали лозунга восстановления монархии никогда. Ни один из вождей белого движения не писал на своих знаменах о восстановлении монархии, понимая, что это лозунг бесперспективный. Монархия себя настолько дискредитировала в России, что надеяться на массовую защиту этой идеи не приходится, и Шульгин, кстати говоря, может быть, задним

числом писал, когда он увидел эти массы на улицах, эти толпы, которые шли к Таврическому дворцу, где заседала Государственная дума, у него есть такая «замечательная» фраза: «Пулеметов, вот чего бы мне хотелось», – записал потом Шульгин. Он тогда уже не верил в положительность революционных событий, не верил, что это принесет России благо и, тем более, победу в войне, и был готов, если бы было кому, в эту толпу стрелять. Но стрелять было некому»⁵.

23 июня 1917 г. Шульгин вместе с несколькими депутатами Государственной думы подал Верховному главнокомандующему заявление, содержащее набросок плана по вербовке, снаряжению и обучению добровольцев: «Мы нижеподписавшиеся приняли решение поступить добровольцами в Действующую армию, полагаем, этот наш шаг с согласия Верховного Главнокомандующего, может быть использован для привлечения некоторого, кроме нас, числа добровольцев. Соответственно с изложенным ходатайствуем разрешить нам нижеследующее: 1) Открыть запись в добровольческий отряд (При Военной Лиге, Сергиевская 46/48) 2) Приступить немедленно к обучению записанных добровольцев»⁶. Он был участником частных совещаний Государственной думы, частного совещания общественных деятелей в Москве, на котором 10 августа вошел в состав бюро по организации общественных сил. 14 августа выступал на Государственном совещании в Москве и, отвечая на речь А.Ф. Керенского, подчеркнул, что желал бы, чтобы власть Временного правительства была действительно сильной. Критиковал в своей сентябрьской статье объявление России республикой, полагая, что в этом случае правительство превысило свои полномочия. В октябре 1917 г. переехал в Киев; возглавил «Русский национальный союз». Отказался от участия в работе Предпарламента, но был выдвинут Монархическим союзом Южного берега Крыма своим кандидатом на выборах в Учредительное собрание.

В ноябре–декабре 1917 г. в Новочеркасске вместе с М.В. Алексеевым Шульгин принял активное участие в формировании Добровольческой армии. С марта 1918 по январь 1920 гг. возглавлял нелегальную тайную организацию «Азбука», которая занималась сбором информации о политических настроениях в среде солдат, офицеров и населения, политической разведкой, вербовкой офицеров в Белую армию. Сотрудничал с Осведомительным агентством (Освагом). В мае–июне 1918 г. сотрудничал с Национальным центром. В августе 1918 г. приехал в армию А.И. Деникина. В 1920 г. вместе с белыми войсками покинул Крым. Перебравшись в Румынию, в числе других солдат и офицеров Белой армии был выдворен за пределы страны. Вернувшись в Одессу, занятую красными войсками, проживал там, на нелегальном положении, затем выехал в Крым, в армию П.Н. Врангеля. Узнав, что его племянник арестован сотрудниками ЧК, пытался нелегально проникнуть в Одессу, но не найдя племянника, вновь оказался в Румынии, откуда выехал в Константинополь. 24 декабря 1920 г. отбыл на полуостров Галлиполи, где находились части 1-го армейского корпуса А.П. Кутепова. В начале 1921 г. вернулся в Константинополь. Затем жил в различных европейских странах.

Постоянно обращаясь в своих книгах к дореволюционному прошлому, Шульгин делал вывод, что «Николай II, это несчастный Государь, был рожден на ступенях престола, но не для престола... у Николая II было множество семейных и человеческих добродетелей и достоинств, но у него не было качеств, необходимых для царя: твердости и властности»⁷. Когда Шульгин уже выйдет на свободу, и будет жить во Владимире, состоится диалог на эту тему с приехавшими к нему гостями (в т.ч. публицистом Г.М. Шимановым, записавшим эту беседу).

«После двух-трех фраз А.С. совершает удивительный для меня выпад против автора “Дней”:

– Василий Витальевич, ведь, советуя императору Николаю Александровичу отречься от власти, вы же способствовали фактически большевикам, – говорит он с жестковатой укоризною.

И теперь, мне показалось, мнется уже Шульгин... Вернее, несмотря на свою неподвижность, он, по-моему напоминает чем-то бабочку, припиленную иголкой живьем.